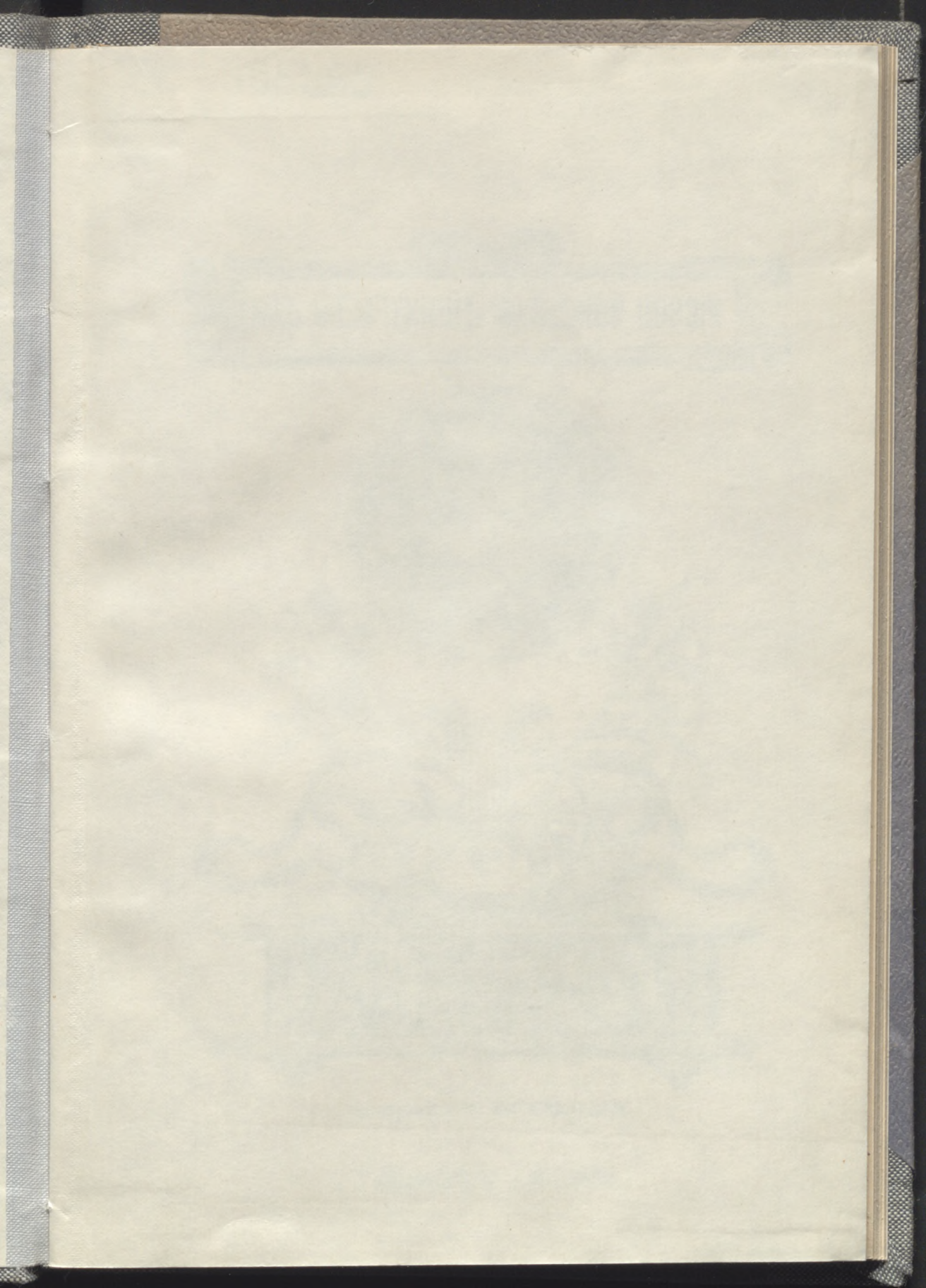

355382

Wielka Biblioteka

ИЗЪ ЖЕМЧУЖИНЪ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

въ переводѣ К. ВИСКОВАТОВА

Stanisław Lisowski.

ИЗЪ ЖЕМЧУЖИНЪ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОКОН ЛОДИ

Изъ жемчужинъ
польской поэзіи.

Въ переводѣ К. ВИСКОВАТОВА.

Stanislaw Lisowski.

Выпускъ I.

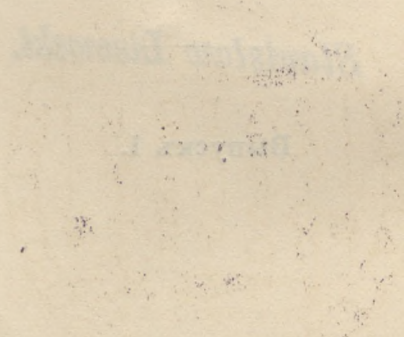
ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

УДК 74.001.01

Полупрозрачные пластины

В. И. Смирнов

355382

BIBLIOTEKA
UNIWERSYTECKA
w Toruniu

Торунь, ул. Гоголя, 9.

W. 260/65

Ты слышишь, какъ мучится, стонетъ, бушуетъ
Волна, на скалѣ умирая безмолвной?
Такъ польское сердце, отчаянья полно,
На лонѣ родимомъ въ мученьяхъ тоскуетъ,
Разбито, какъ волны.

Но цѣлая снова волна набѣгаетъ
На скалы, шумя надъ пучиною сѣрой...
Такъ сердце растерзано въ мукахъ безъ мѣры,
Въ груди заживая, огнемъ вновь пылаетъ
Надежды и вѣры.

З. Красинскій.

*Чуткой артисткѣ и отзывчивому человѣку
Ядвига Феликсовнѣ Залъской въ знакъ глубокой
признательности посвящаетъ свои первые труды
переводчикъ.*

In witness whereof, I have hereunto set my hand and the seal of the said University, at the City of Oxford, the 15th day of the month of June, 1714.

Wm. Burnet, Chancellor of the University of Oxford.

Printed by J. Sturges, at the University Press, Oxford.

Юлій Словацкій.

ГИМНЪ.

I.

Грустно мнѣ, Боже! Ты блесковъ волною,
Западъ залилъ для меня золотистый,
Гасишь въ лазурной водѣ предо мною
Звѣзды огнисты,
Море и высь золотишь ты, но все же —
Грустно мнѣ, Боже!

II.

Какъ пустой колосъ съ поднятой главою,
Чуждъ я стою наслажденій и бури,
Съ взоромъ безстрастнымъ предъ чуждой толпою,
Какъ тишь лазури:
Но тебѣ сердце открою я все же —
Грустно мнѣ, Боже!

III.

Плачетъ дитя, когда мать покидаетъ...
Близокъ такъ къ плачу я, скорбью объятый,

Глядя на солнце, что съ волнь мнѣ бросаетъ
Блески заката.
Хоть знаю,—завтра взойдетъ солнце тоже—
Грустно мнѣ, Боже!

IV.

Нынче въ пучинѣ безбрежной блуждая,
Сто миль отъ берега, гдѣ море пѣнится,
Видѣлъ я—аистовъ мчалася стая
Вдаль вереницей.
Въ Польшѣ когда-то я видѣлъ ихъ тоже...
Грустно мнѣ, Боже!

V.

Часто стоялъ у могиль я въ тревогѣ,
Въ жизни не зналъ я родимаго дома,
Какъ пилигримъ, я бродилъ по дорогѣ
Въ грохотѣ грома —
Гдѣ же я лягу въ могильное ложе?
Грустно мнѣ, Боже!

VI.

Бѣлая кости мои среди пыли
Будутъ лежать не подъ стражей колонны—
Мнѣ жъ, человѣку, завиденъ въ могиль
Прахъ погребенный.
Будетъ мое не покойное ложе —
Грустно мнѣ, Боже!

VII.

Хоть мнѣ сказали—ребенокъ невинный
Будетъ въ краю за скитальца молиться, —
Знаю—корабль мой, плывя надъ пучиной,
 Въ край не стремится.
Тщетны мольбы у священныхъ подножій —
 Грустно мнѣ, Боже!

VIII.

Послѣ меня эту радугу, Боже,
Что твои ангелы въ небѣ раскрыли,
Новые люди увидятъ и тоже
 Будутъ въ могилѣ.
Вижу ничтожность свою я—но все же
 Грустно мнѣ, Боже!

Писалъ при заходѣ солнца на морѣ
 предъ Александріей.

Изъ „КОНРАДА ВАЛЛЕНРОДА“.

Вступленіе.

Сто лѣтъ миновало, какъ Орденъ Крестовый
Въ языческой крови въ полночномъ краю
Бродиль, — и ужъ пруссы склонились въ оковы,
Иль прочь бѣгутъ, землю покинувъ свою.
И нѣмецъ въ погоню за ними стремится,
Терзая до самой Литовской границы.

И Нѣманъ здѣсь дѣлитъ литвинъ отъ врага.
Здѣсь блещутъ святыней литовскихъ вершины,
И лѣсомъ священнымъ шумятъ берега, —
На той сторонѣ на холмѣ, надъ долиной,
Крестъ, символъ нѣмецкій, взлетѣлъ къ небесамъ
И тянется грозно въ литовское лоно,
Какъ будто бы хочетъ весь край Палемона
Схватить съ возвышенья и бросить къ ногамъ.

Здѣсь бродятъ толпой молодые литвины
Подъ шапкою рысей, въ одеждѣ звѣриной,
И съ лукомъ, и съ дротикомъ въ чашѣ прибрежной
Слѣдятъ за нѣмецкимъ движеньемъ прилежно.
На той сторонѣ въ шипакѣ и бронѣ
Недвижимо нѣмецъ стоитъ на конѣ —
Онъ взора не сводитъ съ враждебнаго края
И четки считаетъ, ружье заряжая.

И эти, и тѣ стерегутъ переправы.
Такъ Нѣманъ, что въ славѣ радушія текъ,
Связуя двухъ братскихъ народовъ державы,
Теперь сталъ имъ вѣчности грозный порогъ.
Никто ужъ безъ страха за жизнь иль свободу
Не смѣетъ ступить въ запрещенную воду.

Лишь вѣтка литовскаго хмѣля, плѣняясь
Серебрянымъ тополемъ прусской долины,
За травы рѣчныя и вербы цѣпляясь,
Попрежнему смѣло ползетъ чрезъ пучины
И, краснымъ вѣночкомъ скользнувъ по волнѣ,
Съ любимымъ слилася на той сторонѣ.

Лишь ковенскихъ старыхъ дубравъ соловьи
Съ своими братьями прусской земли
Ведутъ, какъ бывало, литовскія рѣчи,
Иль, вольныя крылья расправивъ свои,
На островъ пустынный слетаютъ для встрѣчи.

А люди?—Ихъ зло раздѣлило мечей!
И дружба старинная Прусса съ Литвою
Навѣки забыта... Любовь лишь порою
Сердца ихъ сближаетъ.—Я зналъ двухъ людей...

О Нѣманъ! Къ волнамъ твоимъ ринутся скоро
Съ пожаромъ и смертью шеренги враговъ,
И срѣжетъ съ донинѣ священныхъ береговъ
Сѣкира гирлянды лѣснаго убора.

Лѣсъ дрогнетъ подъ вихремъ военныхъ невзгодъ,
Цѣпь кровную, брата отторгнувъ отъ брата,
Безумная ненависть люда порветъ.
Порветъ все... но души любившихъ когда-то
Сольетъ въ своей пѣснѣ опять вайделотъ.

Корнелій Уейскій.

АГАРЬ ВЪ ПУСТЫНѢ.

14. Всталъ тогда Авраамъ рано
утромъ и взявши хлѣбъ и мѣхъ воды
возложилъ ей на плечи и отдалъ ей от-
рока и отпустилъ ее. Она пошла и
блуждала въ пустынѣ Вирсавіи.

15. А когда не стало воды въ мѣхъ...

Бытіе гл. 21.

Глава потемнѣла отъ зноя степного,
А вокругъ все пустыня.—Къ тебѣ, о Іегова,
Бьетъ голосъ мой, полный тревогъ.
О сдѣлай, чтобъ небо прохладой дышало,
Чтобъ стали ключами гранитныя скалы,
Кустарникомъ—желтый песокъ.

Уже мнѣ не видѣтъ родимаго лона,
Не видѣтъ долины цвѣтущей Геброна—
И родъ и владыка мой тамъ!
Уже никогда, хоть уйду я живою,
Не спать подъ палаткой его мнѣ цвѣтною,
Не выбѣжать ночью къ стадамъ!

Одежды отъ зноя лохмотьями пали,
Порвался сожженный ремень у сандалий,
И сынъ мой страдаетъ сверхъ силъ.
Господь! я любила, была я счастливой,
Любимой—и эта кара справедлива!
Вины же не зналъ Измаиль.

Чуть огненный вихоръ закружить песками
И пепель горячій посыплеть надъ нами—
Не встанеть мой сынъ отъ земли.
Къ тебѣ я колѣна, Господь, преклоняю
И сына отъ вѣтра собой заслоняю
И крою въ лохмотья свои.

Не разъ, задремавъ средь пустыни великой,
Тревожно я въ ночь пробуждаюсь отъ крика
Газели, терзаемой львомъ.
Шакаль предо мной, какъ предъ львицей, трепещеть
И, воя, уходитъ—отчаянье блещеть
Такъ страшно во взорѣ моемъ.

Гляжу на скелетъ поблѣвшій верблюда,
И чудится злое лицо мнѣ оттуда:
То трупъ надъ песками степей;
Не разъ уже коршунъ голодный надъ нами
Нависнулъ, меня ударяя крылами,
Крича о добычѣ своей.

Не разъ, чуть уснетъ, я несу его... Боже!
Мой сынъ пошатнулся... на знойное ложе,
Какъ травка, онъ валится съ ногъ.

О Господи! влаги онъ молитъ устами!
О Господи! сжался же, сжался надъ нами.
Великъ Ты! Ты силенъ! Ты Богъ!

Иегова! онъ палъ и устами со стономъ
Къ устамъ моимъ жадно припалъ опаленнымъ,
Но вмѣсто дыханья въ нихъ зной!
Ужель для насъ небо закрылъ ты сурово!
Хоть каплю дождя намъ! Иегова! Иегова!
Хоть капельку влаги живой!

Зигмундъ Красинскій.

КОГДА БЪ ВЪ ЭТИ ДНИ...

Когда бъ въ эти дни, что бѣгутъ быстротечно,
Вдругъ въ сонъ погрузиться я долженъ былъ вѣчный—
Хотѣлъ бы я съ міромъ порвать эту нить
Легко и спокойно, безъ боли и бури,
Безслѣдно исчезнуть, безвѣстно уплыть,
Какъ слезы въ потокѣ, какъ сумракъ въ лазури.
Но передъ мгновеньемъ борьбы роковой,
Отъ міра въ небесную грань отлетая,
Хотѣлъ бъ часъ послѣдній побыть я съ тобой,
На милой рукѣ умереть, дорогая!

Когда же я сброшу все бремя заботы,
И будешь въ могилу класть тѣло мое ты, —
Ни душнаго склепа не нужно мнѣ тьмы,
Ни стѣнъ монастырскихъ надъ прахомъ холоднымъ! —
Довольно ужъ въ мірѣ я видѣлъ тюрьмы!
Пусть смерть окружить меня лугомъ свободнымъ!
На полѣ зеленомъ, раскинутомъ полѣ,
Подъ вѣчнымъ сіяньемъ лазури живой,
Сложи мою голову, полную боли,
И тамъ ее мраморнымъ камнемъ прикрой,
Гдѣ бъ вѣтви кустовъ благовонныхъ шумѣли.
Пусть плющъ надо мною сплетается дикій,
Столистныя розы растутъ и гвоздики,

Цвѣтутъ незабудки, цвѣтутъ иммортели,
И миртъ, и фіалка альпійскихъ снѣговъ,
И ландыши—память родимыхъ лѣсовъ!
Цвѣты, что ты любишь и что приносишь,
Бывало, тебѣ я — пусть будутъ со мною!
О, вспомни, о чемъ я предъ смертью просилъ,
И брось ихъ вѣнкомъ надъ уснувшей главою!
Пусть даромъ послѣднимъ ихъ будетъ покровъ, —
Все глубже спускаясь подъ гнетомъ цвѣтовъ,
Я въ вѣчность обрушусь — и тамъ превращенный
Въ листочки и вѣтки, вновь выйду потѣмъ
Изъ темнаго гроба — весеннимъ цвѣткомъ,
Къ тебѣ долетая струей благовонной!
Такъ тысячею глазъ ароматныхъ весной
Я выгляну вновь изъ-за смертнаго края,
И вырасту въ солнечный день предъ тобой,
Стопы твои лентой живой обвивая...

Срывай же меня, чтобъ украсить чело!
Все отдало тѣло тебѣ, что могло;
Въ могилѣ въ цвѣтокъ превратился мой прахъ,
Цвѣтокъ же исчезъ въ благовонныхъ волнахъ,

Ждетъ духъ мой, что по небу съ вѣтромъ шумящимъ
Вернется къ нему благовонье цвѣтовъ,
И вновь его тѣломъ одѣнетъ блестящимъ
И свѣтлымъ, какъ ангеловъ свѣтлый покровъ.

Неси же дорогою въ дивныя дали,
Къ сіянію неба изъ тьмы гробовой,
Всѣ эти цвѣты, что могилы создали! —
Имъ должно увянуть подъ милой рукой,
Чтобъ послѣ съ груди твоей вновь унесть
Легко и незримо въ лазурную высь;
Тамъ духъ мой опять облечется въ покровъ
Изъ этихъ душистыхъ увядшихъ цвѣтовъ.

(Римъ, 16 Мая 1841 г.).

Марія Конопницкая.

Въ часъ бури глухой не ищи маяковъ
Ни въ небѣ, ни въ мракѣ земли отдаленной..
Кто ждетъ ихъ, тотъ станетъ добычей валовъ
И въ крикъ услышитъ свой звонъ похоронный.
Ночь только того не окутаетъ мглой,
Кто самъ въ себѣ высѣчетъ искры живыя
И ярко зажжетъ на дорогѣ глухой
Могучаго духа лучи золотые.

Изъ „КОНРАДА ВАЛЛЕНРОДА“.

Вступленіе.

Сто лѣтъ миновало, какъ Орденъ Крестовый
Въ языческой крови въ полночномъ краю
Бродиль, — и ужъ пруссы склонились въ оковы,
Иль прочь бѣгутъ, землю покинувъ свою.
И нѣмецъ въ погоню за ними стремится,
Терзая до самой Литовской границы.

И Нѣманъ здѣсь дѣлитъ литвинъ отъ врага.
Здѣсь блещутъ святыней литовскихъ вершины,
И лѣсомъ священнымъ шумятъ берега, —
На той сторонѣ на холмѣ, надъ долиной,
Крестъ, символъ нѣмецкій, взлетѣлъ къ небесамъ
И тянется грозно въ литовское лоно,
Какъ будто бы хочетъ весь край Палемона
Схватить съ возвышенья и бросить къ ногамъ.

Здѣсь бродятъ толпой молодые литвины
Подъ шапкою рысей, въ одеждѣ звѣриной,
И съ лукомъ, и съ дротикомъ въ чашѣ прибрежной
Слѣдятъ за нѣмецкимъ движенъемъ прилежно.
На той сторонѣ въ шипакѣ и бронѣ
Недвижимо нѣмецъ стоитъ на конѣ —
Онъ взора не сводитъ съ враждебнаго края
И четки считаетъ, ружье заряжая.

Владиславъ Сырокомля.
(Кондратовичъ).

ЯНЪ ДЕМБОРОГЪ.

Б. А. Огулевичу посвящаетъ этотъ трудъ переводчикъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Святая Литва моя, край мой родной,
Покрытый песками и чахлой травой!
Угрюмая тишь неприглядна твоя!
Не то, что Авзоновъ, Гельветовъ края,
Гдѣ раемъ поля разметались надиво,
Въ лѣсахъ вырастаетъ и миртъ и олива;
Гдѣ горы твоихъ выше тысячу разъ,
Видами волшебными блещутъ подчасъ;
Такія озера и рѣки тамъ всюду,
Что Влахъ ихъ малюетъ, развозитъ какъ чудо —
Въ Литвѣ же беретъ нарасхватъ ихъ народъ.
Литва! Эта слава къ тебѣ не придетъ!
Земля твоя хмура и небо тоскливо,
Съ тебя не срисуютъ картины красивой,
Твоя не спадаетъ каскадомъ волна,
На холмахъ кустарникъ, въ лѣсахъ же сосна;
Дома изъ нетесанныхъ бревенъ твои,
На крышахъ соломенныхъ мхи поросли,
Подъ крышей же столь одичалый народъ —
Что, кажется, онъ и до трехъ не сочтеть.
— Но въ смыслъ твой поглубже заглянешь едва —
Ты большаго стоишь, родная Литва!

Построенъ, дитя океанской волны,
Британскій фрегатъ изъ литовской сосны;
Въ сермягахъ сыны твои землю копали,
Чтобъ голодь въ прекрасной Европѣ не знали;
И шляхтичъ не дрогнулъ, вскормленъ твоимъ житомъ,
Предъ туркомъ подъ Вѣной, у скаль подъ Мадритомъ.

Бѣжитъ по роднымъ тихо Нѣманъ полямъ
Какъ будто спокоенъ, не страшень челнамъ;
Онъ подкамъ топтать себя лѣтомъ даетъ,
Зимой спитъ покойно, закованный въ ледъ.
Не хмурить чела онъ, не рветъ, не рычить
И, кажется, вѣчно покорность хранить.
Не вѣрь въ ту покорность!—Онъ ранней весной
Взбушуетъ, ломая покровъ ледяной!
Бѣда! Всталъ титанъ, вспомнилъ тягость обидъ —
Онъ избы рыбацьи и лодки крушить.
Волна бьетъ въ долины, грохочетъ въ лѣсахъ.
Мгновенье — и мѣръ весь повергнетъ онъ въ прахъ!
Но гнѣвъ стихъ — забылъ объ обидѣ старинной...
Вотъ также, какъ Нѣманъ, и сердце Литвина.
Гдѣ хладна природа, гдѣ небо подъ тучей,
Тамъ, кажется, страсти не вспыхнуть кипучей —
Тамъ люди какъ будто бы дремлютъ, и въ сонной
Тиши протекаетъ ихъ жизнь монотонно.
Поникъ такъ Литвинъ головою въ молчаньи...
Спроси жъ ты былыя дѣла и преданья,
Жужжаніе прялки, перо мудреца —
Узнаешь тогда, какъ сквозь холодъ лица
Слѣдъ тайный пылающей мысли открыть!
О да! и Литва можетъ страстною быть:
Здѣсь дышитъ грудь мужа отвагой порыва,
Здѣсь дѣвичье чувство горитъ молчаливо,
Слѣдъ жизненныхъ бурь здѣсь надъ старымъ челомъ...
То съ плугомъ, съ крестомъ, то съ мечемъ иль кубкомъ,
То дома, то между чужими вдали
Проводитъ минуты сынъ этой земли.

Онъ всѣхъ приключеній не вспомнить порой;
То святъ и сердеченъ рассказъ ихъ простой,
То буйною вспышкой вдругъ страсти вскипятъ,
То случай смѣшной, что бока заболятъ.
Слѣдовъ вспоминая повсюду такъ много:
Здѣсь каждый пригорокъ и крестъ надъ дорогой,
Корчма и часовня, — куда ни взглянуть —
Все память о прошломъ, и все что-нибудь
Такъ живо расскажетъ тебѣ о Литвинѣ.
А сколько преданій забыто ужъ нынѣ!
И тотъ къ нимъ не склонитъ ни взора, ни слуха,
Чья грудь не коснулась родимаго духа.

Эхъ, скорбная, скорбная! Даль отчего же
Гусяровъ Сѣчи Запорожской Ты, Боже?
Зачѣмъ не придутъ они въ наши жилища,
Какъ бардъ Каледонскій, какъ Эллинскій нищій,
Чтобъ пѣсню міру повѣдать могли
О каждомъ событіи родимой земли?
Но край нашъ Господь Богъ не даритъ пѣвцами, —
Мы слѣдъ о быломъ отмѣчаемъ камнями.
Что камни? Погибнуть, какъ почва плохая,
Дряхлѣющимъ мхомъ до конца заростая.
Преданье жъ исчезло. — Исчезло такъ живо!
Пѣвцу здѣсь была бы богатая нива!
Весь край нашъ обвинъ бы онъ пѣсней своей
Съ години Миндовга до нынѣшнихъ дней,
Отъ Кревскаго замка, гдѣ Кейстуть легъ старый,
До берега Припяти свѣтлой иль Щары,
Гдѣ крестъ утонувшимъ воздвигнули люди,
Гдѣ ходитъ доннынѣ сказанье о чудѣ.
Тамъ каждая повѣсть достойна пѣвца,
Для люда въ нихъ смѣхъ или скорбь безъ конца;
А память и пѣсня, сплетясь воедино,
Откроютъ безмолвную душу Литвина.

Марія Конопницкая.

НЕ ПЛАЧЬТЕ СКОРБНЫЕ....

Не плачьте, скорбные!..

Ужели мните вы,
Что въ выси тамъ средь этой тихой синевы,
Вашъ стонъ, отторгнутый отъ звѣзднаго порога,
Нарушить безмятежность Бога?

Ужели мните вы, что крикъ нужды больной,
Ударивъ въ воздухъ тамъ серебряный и чистый,
Сводъ потрясетъ и блескъ сотретъ съ него лучистый
И оскорбить небесъ покой?

Иль мните, что тѣхъ слезъ горячая рѣка,
Что льется по землѣ измученной вѣка,
Погаситъ солнце вдругъ и тѣни вѣчной ночи
Всевышней мощи бросить въ очи?

Что звѣзды тамъ, куда такъ грустно вы смотрите,
Померкнуть, задрожавъ въ блистающей орбитѣ,
И внизъ сойдутъ стереть горячей скорби зной
Съ чела сыновъ земли больной?

Ужели мните вы, что вашихъ устъ стенанья
Нарушатъ вѣчности безбурное мечтанье
И будутъ бить они, какъ диссонансъ, въ чертогъ,
Пока въ немъ не проснется Богъ?

Ахъ, слишкомъ міръ великъ!—вы жъ такъ ничтожны
въ немъ!

Хотя бъ вы плакали кровавыми слезами—
Все жъ не измѣнится ничто подъ небесами,
Въ пространствѣ вѣчно голубомъ.

Туда не долетятъ стенанья бѣдняковъ,
Гдѣ внемлетъ атомовъ движенью безконечность...
На стонъ вашъ въ тишинѣ не отзовется вѣчность:
Молчанье—это мощь боговъ!

Кто знаетъ, можетъ быть, въ гармоніи созданья
Послѣдній страшный крикъ, крикъ гибнущей души
Не больше значить, чѣмъ въ ласкающей тиши
Заснувшихъ розъ благоуханье?

И гимны стройные, быть можетъ, создаютъ,
На міровыхъ струнахъ вплетаясь въ хоръ созвучій,
Бряцаніе цѣпей немолчное и жгучій
Вашъ стонъ...

Не плачь же скорбный людъ!

Владиславъ Сырокомля.
(Кондратовичъ)

СОСНА.

Средь сельскихъ могилъ одиноко
Качалась лѣсная сосна.
Окрѣпъ ея стволъ и широко
Главой разметалась она.
На сто саженой раскидала
Могучія вѣтви кругомъ
И землю безъ счета взрывала,
Питаяся желтымъ пескомъ.
И, выросши вся изъ могилы,
За соки, что брала она,
Съ вѣтрами молитвы уныло
За умершихъ пѣла сосна.

Но осенью вдругъ захирѣла
Лѣсная сосна, и съ тѣхъ поръ
Макушка ея пожелтѣла,
Блѣднѣетъ зеленый уборъ.
Стояла въ сторонкѣ тоскливо—
Что день, то безмолвнѣй, грустнѣй;
И вѣтра срываютъ порывы
Все больше иголокъ у ней;
Бросаетъ на землю родную
Засохшія зерна она,—
Къ зимѣ же, о чемъ-то тоскуя,
Печально засохла сосна.

И съ жалостью вѣтры спросили:
— „Сосна съ деревенскихъ могилъ!
„Иль черви тебя источили?
„Иль громъ твое сердце разбилъ?
„Иль пищи тебѣ не хватило
„Въ пескъ на долинѣ твоей?
„Иль корни твои задавила
„Гранитная тяжесть камней?“

— „Не черви меня источили,
„Громъ бури не тронулъ во мглѣ,
„Охотно могилы кормили,
„И соковъ такъ много въ землѣ.
„Гдѣ камни лежали отъ вѣка,
„Далеко я корнемъ прошла
„И въ гробъ роковой человѣка
„Дурного и злого вросла.
„Гробъ сгнилъ, развалился,—ужъ сгнила
„Холодная грудь до конца—
„И корни тихонько впустила
„Я въ сердце того мертвеца.
„Могильная дрожь охватила,
„Когда я коснулась его:
„Та грудь мертвеца не любила
„Еще никогда, никого!..
„И пищу изъ сердца впервые
„Кладбищенской далъ онъ соснѣ,
„И яда струи роковыя
„Съ тѣхъ поръ разлилися во мнѣ.
„Съ отравой смертельною въ тѣлѣ
„Я грустно стояла съ тѣхъ поръ...
„И вѣтры, что мимо шумѣли,
„Срывали зеленый уборъ.
„Напрасно на землю съ тоскою
„Бросаю остатки зерна—
„Все высохло... съ близкой зимою
„Умретъ на могилахъ сосна.

Казиміръ Тетмайеръ.

ВОДЫ.

Вы слышите тамъ на долинахъ шумъ водъ?
Отъ солнца снѣгъ стаялъ и тронулся ледъ,—
растутъ и взбираются воды и скоро
овраги затопятъ и хлынутъ черезъ горы.

Здѣсь мощь ваша тщетна — а воды шумятъ,
смѣются надъ слабостью вашихъ преградъ;
разрушатъ преграды возставшія воды —
вы слышите ль шумъ ихъ, ихъ пѣсню свободы?

Не ждите напрасно — потокъ роковой
ворвется и край вашъ затопитъ волной,
потопитъ дворцы онъ, и замки, и вась, —
безслѣдно погибнете — пробилъ вашъ часъ!..

Адамъ Мицкевичъ.

Б У Р Я.

Изъ „Крымскихъ сонетовъ“.

Ужъ парусъ оборванъ... ревъ волнъ, и шумъ бури,
И крики команды, и стоны снастей...
Порвались канаты. Надежда блѣднѣй—
Кровавое солнце уходитъ съ лазури.

Вотъ вѣтеръ съ триумфомъ завылъ, и на воды
Вступилъ геній смерти; по гребню валовъ,
Какъ воинъ, штурмующій стѣны враговъ,
Пошелъ къ кораблю онъ подъ вой непогоды.

Тѣ замертво пали, ломають здѣсь руки,
Въ объятія друзей тотъ, прощаясь, упаль,
Тѣ гонять молитвой предсмертныя муки.

Сидѣлъ въ тишинѣ одинъ путникъ, молчалъ
И думалъ: счастливъ, кто умѣетъ молиться,
Иль съ близкими можетъ въ часъ смерти проститься.

1898

1898

1898

1898

1898

1898

1898

ГРОБНИЦА АГАМЕМНОНА.

ПРОШУЮ АТАМАНЧУ

ГРОБНИЦА АГАМЕМНОНА.

Отрывокъ изъ греческаго путешествія.

I.

Пусть лютня чуткая фантазы пробужденной
Вторитъ мечтѣ моей и мрачной и глухой;
Теперь въ гробницу я вступилъ Агамемнона
И въ тишинѣ сижу подъ сводомъ подъ землей;
Атридовъ кровью все обагрено кругомъ.
Мнѣ грустно! сердце спитъ—но грезить о быломъ!

II.

Какъ далеко звучитъ та арфа золотая,
Которой эху лишь мнѣ суждено внимать!
Изъ камней сложена пещера вѣковая,
Сюда приходитъ вихрь въ расщелинахъ вздыхать;
Изъ лавровъ голосомъ Электры въ тишинѣ
Даетъ онъ отзвуки: какъ грустно стало мнѣ!

III.

Надъ грудой каменной съ Арахною прилежной
Здѣсь спорить вѣтерокъ и пряжи рветъ узоръ;
Лѣса спаленныхъ горъ струятъ свой запахъ нѣжный;
Здѣсь вѣтеръ, облетѣвъ руины сѣрыхъ горъ,
Приноситъ сѣмена цвѣтовъ—и легкій пухъ
Въ гробницѣ сумрачной летаетъ, словно духъ.

IV

Здѣсь полевой сверчокъ, скрываясь отъ сіянья
 Надгробнаго луча подъ каменной плитой,
 Какъ будто говорить, чтобъ я хранилъ молчанье—
 Стрекоchetъ.—Вотъ конецъ Рапсодіи былой!
 Тѣ звуки стрекота, что въ склепѣ здѣсь слышны,
 Есть смерти страшный гимнъ, есть пѣсня тишины.

V

О да, безмолвенъ я и нѣмъ, какъ вы, Атриды,
 Которыхъ прахъ здѣсь спитъ подъ стражею сверчковъ!
 Въ своемъ ничтожествѣ не вижу я обиды,
 Теперь въ душѣ моей ужъ нѣтъ орлиныхъ сновъ.
 Я здѣсь съ глубокою покорностью затихъ
 Въ гробу преступности и славныхъ дѣлъ былыхъ.

VI

Надъ сводомъ гробовымъ, на выступѣ гранита
 Растетъ дубокъ одинъ въ расщелинѣ камней;
 Онъ птицей принесенъ сюда къ пещерѣ скрытой
 И темною листвою красуется своей;
 Онъ солнце въ мрачную гробницу не пускалъ,
 И съ темной зелени я листь одинъ сорвалъ.

VII

Не охранялъ его ни духъ, ни привидѣнье,
 Ничто не пронеслось со стономъ по вѣтвямъ,
 Лишь солнцу сдѣлалось доступнѣе вторжене,
 И что-то яркое упало мнѣ къ ногамъ.
 И мнѣ почудилось, что блескъ тотъ золотой
 Гомера вѣщаго былъ чуткою струной.

VIII

И руку протянулъ я въ сумрачной гробницѣ,
Чтобъ ту струну поймать и, натянувши, вновь
Заставить пѣть ее и плакать и молиться
Надъ величавою ничтожностью гробовъ
И пепла горстію—но чуть рука взяла,
Струна та, вздрогнувши, безъ стона умерла.

IX

Итакъ моя судьба—томиться надъ гробами,
Вездѣ искать тоски измѣнчивой, больной!
Моя судьба—во снѣ повелѣвать странами,
Съ нѣмою арфой жить среди толпы глухой
Иль мертвой... Душно здѣсь и тяжело для меня!
Прочь! Солнца, вихря мнѣ и топота коня!

X

О, на коня! Скорѣй! И высохшей рѣкою,
Гдѣ вмѣсто синихъ волнъ цвѣтущій лавръ шумить,
Съ великой молніей во взорѣ и слезою,
Какъ будто вихрь меня молніеносный мчить,
Лечу, а конь меня по воздуху несетъ,—
Коль встрѣтимъ рыцарей гробницу—онъ падеть.

XI

Предъ Ѳермопилами?—О, нѣтъ, на Хероней!
Остановить коня я долженъ только тамъ—
Вѣдь я изъ той страны, гдѣ свѣтъ надеждъ блѣднѣе
И въ сердцѣ трепетномъ живетъ, подобно снамъ.
А моего коня, что вдаль стрѣлой летитъ,
Лишь нашей равная могила устрашитъ.

XII

Меня отъ Термопилъ, отъ той святой могилы,
 Спартанцевъ умершихъ отгонить легионъ;
 Вѣдь я изъ той страны, гдѣ плачетъ рабъ унылый,
 И гдѣ отчаяньемъ курганъ не возведенъ;
 Гдѣ много послѣ дней несчастныхъ и больныхъ
 Осталось рыцарей—хоть грустныхъ,—но живыхъ.

XIII

Предъ Термопилами я не могу рѣшиться
 Остановить коня заросшею тропой,—
 Вѣдь тамъ на насъ должны смотрѣть такія лица,
 Что въ сердце Польское ударитъ стыдъ глухой.
 Предъ духомъ Греціи не въ силахъ я стоять —
 Нѣтъ,—раньше я умру,—чѣмъ цѣпью тамъ бряцать.

XIV

У Термопилъ—гдѣ бъ сталъ искать я оправданій,
 Коль мужи надъ холмомъ поднялись бы сейчасъ
 И, показавъ мнѣ грудь, разбитую во брани,
 Спросили бы потомъ: —*А сколько было васъ?*
 Забудь, что длинный рядъ вѣковъ уже протекъ,—
 Спросили если бъ такъ,—что я отвѣтить могъ?

XV

Предъ Термопилами лежитъ боецъ сраженный,
 Не въ яркомъ поясъ, не въ блескахъ кунтуша—
 То Леонида трупъ бѣлѣетъ обнаженный,
 Въ томъ тѣлѣ мраморномъ прекрасная душа:
 Разбита амфора, угасъ огонь святой,
 И долго плакалъ людъ надъ жертвою такой.

XVI

О Польша! до тѣхъ поръ, пока не сбросить звеня
Твой величавый духъ и не пробьетъ преградъ,
Враговъ не утратить твой грозный мечъ отмщенья,
И грудь твою терзать не перестанетъ катъ.
Не отойдетъ шакаль отъ насыпи твоей,
И будешь ты въ гробу—и не сомкнешь очей.

XVII

Сбрось тряпки жалкія, что тѣло облекая,
Какъ Деаниры плащъ, плакуютъ на плечахъ,
И встань, какъ статуя, великая, святая,
Нагая, въ Стиксовыхъ омытая волнахъ,
Сверкающая вновь желѣзной наготой,
Не вѣдая стыда, съ безсмертною душой.

XVIII

Пусть къ сѣверу опять изъ тьмы могилы скрытой
Поднимется народъ, и въ страхъ міръ узритъ,
Что эта статуя изъ цѣлаго гранита
И такъ закалена, что въ громахъ не дрожить.
Но громъ въ ея рукахъ и громъ въ ея вѣнцѣ,
И къ смерти гордое презрѣнье на лицѣ.

XIX

О Польша! нѣтъ!—Тебя прельщаютъ мишурою;
Павлиномъ ты была сосѣднимъ племенамъ;
Теперь же стала ты прислужницей чужою.
Хоть знаю, что слова не грянуть по сердцамъ,
Гдѣ мысли каждый часъ другими сметены —
Но все жъ я говорю—я полонъ самъ вины.

XX

Проклянешь—но тебя мой духъ еще сильнѣе,
Какъ Евмениды бичъ, погонить вдаль впередъ—
Ты сынъ единственный титана Прометея,
Не сердце, а твой мозгъ на части ястребъ рветъ.
Хоть музу обагрю я кровію твоей —
До нѣдръ груди дойду и все я вскрою въ ней.

XXI

Отъ боли скрежещи, но, сына проклиная,
Ты знай—простертая съ проклятьями рука
Надъ мной свернется въ кругъ, какъ гадина живая,
И отпадетъ отъ плечъ, безсильна и легка.
И разнесетъ ее въ прахъ черная судьба —
Нѣтъ власти у тебя проклятья—ты раба!

Казиміръ Тетмайеръ.

ИЗЪ „ПРЕЛЮДІЙ“.

IV.

Обреченному дереву лучше стократъ,
Если сразу перуны его поразятъ,
Чѣмъ если червякъ подъ кору заползетъ,
И медленно дерево въ мукахъ гніетъ.

И людямъ такъ лучше, коль судьбы побѣдно
Единымъ ударомъ сотрутъ ихъ безслѣдно,
Чѣмъ ихъ ежедневной тоской истомятъ,
Имъ въ жилы вливая медлительный ядъ.

Всего в 1913 году
всего в 1913 году
всего в 1913 году

ПОС. ПРИЛОЖЕНИЕ

Всего в 1913 году
всего в 1913 году
всего в 1913 году

Объемы работ
всего в 1913 году
всего в 1913 году

Всего в 1913 году
всего в 1913 году
всего в 1913 году

Ф А Р И С Ъ .

2011

Адамъ Мицкевичъ.

Ф А Р И С Ъ.

(Профессору С. I. Залѣскому посвящаетъ этотъ трудъ переводчикъ).

Какъ будто ладья, оторвавшись отъ края
Земли, надъ кристальной несется пучиной,
Грудь моря любовно весломъ обнимая,
Въ волнахъ своей шеей скользя лебединой; —
Арабъ скакуна такъ съ вершины гранита
Бросаешь въ безбрежность пустыни, —
И тонуть въ песчаномъ потокѣ копыта,
Шумя, какъ металлъ раскаленный въ пучинѣ!

Ужъ конь мой плыветъ надъ песчаной равниной,
Бьетъ волны сыпучія грудью дельфина.
Летить все скорѣй и скорѣй!
Ужъ гравій высоко взметаешь,
Все выше летить и быстрѣй!
Ужъ облакомъ пыль вылетаетъ.

Черный скакунъ мой, какъ бурная туча!
Звѣзда на челѣ его ярко блеститъ;
Съ вѣтрами играетъ онъ гривой могучей,
И молнія бьетъ изъ-подъ бѣлыхъ копытъ.

Лети, мой летунъ бѣлоногій!
Прочь горы и чащи съ дороги!

Напрасно въ тѣни насъ зеленой
Ждетъ пальма со звонкимъ ключемъ:
Я рвусь изъ прохладнаго лона;
И пальма бѣжитъ со стыдомъ,
Скрываясь въ оазѣ, и шелестъ вѣтвей
Смѣется надъ гордою думой моею.

Вотъ камни, гранитные стражи у края
Пустыни, бросають навстрѣчу мнѣ взглядъ—
Послѣднее эхо копытъ повторяя,
Съ угрозой мнѣ такъ говорятъ:

„Стой, безумецъ! Что онъ гонить?
Тамъ отъ солнца стрѣлъъ каленыхъ
Головы онъ не схоронить
Ни подъ кущей пальмъ зеленыхъ,
Ни въ шатрахъ среди равнины.—
Небо тамъ шатеръ единый!
Только скалы тамъ ночуютъ,
Только звѣзды тамъ кочуютъ.“

Напрасно грозятъ мнѣ! Стрѣлой
Гоню я коня, какъ бывало;
Взглянулъ я—а гордыя скалы
Остались далеко за мной—
Бѣгутъ онѣ длинной чредой,
Скрываясь одна за другою.

И коршунъ повѣрилъ угрозамъ тѣхъ скалъ,
Что схватить араба въ пустынѣ безъ бою.
Въ погоню за мной онъ на крыльяхъ помчалъ,
Три черные круга чертя надо мною.

„Чую,—каркаль,—запахъ тупа!
Смерти ждетъ наѣздникъ глупый!
Ищетъ онъ въ пескахъ дороги,
Ищетъ пастбищъ бѣлоногій.
Вашихъ силъ напрасна трата—
Ужъ отсюда нѣтъ возврата!
Только вихри, слѣдъ сметая,
Здѣсь блуждаютъ безъ преграды.
Не коню трава такая—
Здѣсь пасутся только гады.
Только трупы здѣсь ночуютъ,
Только коршуны кочуютъ“.

Онъ съ крикомъ когтями мнѣ въ очи сверкнулъ,
И трижды другъ другу взглянули мы въ око..
А коршунъ? Онъ вздрогнулъ и взвился высоко!
Когда жъ я карающій лукъ натянулъ,
Преслѣдуя коршуна пристальнымъ взоромъ,—
Висѣлъ ужъ онъ въ воздухѣ сѣрымъ пятномъ;
Не больше онъ былъ воробья—а потомъ
Исчезнулъ и слился съ лазурнымъ просторомъ.

Лети же, летунъ бѣлоногій!
Прочь скалы и коршунъ съ дороги!

Вдругъ съ запада вырвалась туча съ крыломъ,
Помчалась за мной по лазурной равнинѣ—

Хотѣла быть въ небѣ такимъ же гонцомъ,
Какимъ я въ пустынѣ!
И низко она надо мной
Повисла съ угрозой такой:

„О куда летить, безумный!
Тамъ растопить грудь отъ зною;
Тамъ надъ пыльной головою
Дождь не брызнетъ влагой шумной;
Тамъ ручей въ лугу суровомъ,
Не отвѣтитъ звонкимъ словомъ,
А росу въ степи бесплодной
Разворуетъ вихрь голодный“.

Напрасно грозить! Вдаль гоню я коня!
А туча ужъ по небу мчатся устала
И, ниже главу наклона,
Она оперлася о скалы.
Когда жъ еще разъ обернулъ я чело—
Межъ нами ужъ цѣлое небо легло.
Я видѣлъ, что туча со мной замышляла,
И вспыхнула злобой она
И, завистью желчной полна,
Какъ трупъ почернѣла и въ скалахъ пропала.

Лети же, летунъ бѣлоногій!
Прочь степи и тучи съ дороги!

И, какъ солнце въ небосклонѣ,
Вкругъ я бросилъ взоръ живой:
Въ небесахъ и надъ землей
Ужъ не видѣлъ я погони.

Сонъ сковаль природу тутъ,
Не звучать шаги людскіе,
Спятъ въ затишіи стихіи,
Словно звѣри, что не зная
Человѣка, не бѣгутъ,
Въ первый разъ его встрѣчая.

О, Боже!... Не первый я здѣсь!... На песокѣ
Въ окопахъ бѣлѣетъ отрядъ вдалекѣ...
Добычу ль здѣсь ждетъ, иль блуждаетъ по свѣту?
Такъ странно всѣ бѣлы и кони и люди!...
Стоять... я имъ крикнулъ—молчать... То скелеты!
То давнихъ временъ караванъ!
Отрылъ его въ знойныхъ пескахъ ураганъ.
Костлявый ѣздокъ на костлявомъ верблюдѣ...
Изъ черныхъ отверстій очей,
По челюстямъ ихъ обнаженнымъ
Песокъ выползаетъ степей
И шепчетъ зловѣщимъ онъ стономъ:

„Куда, бедуинъ, неустанно
Летишь ты? Вѣдь тамъ ураганы!“

Гоню и не знаю тревоги!
Лети же, летунъ бѣлоногій!
Прочь трупы и вихри съ дороги!

Тамъ, первое зло возмущенья, угрюмый
Бродилъ ураганъ одинокъ по пескамъ...
Увидѣлъ меня и окутанный думой
Крутился на мѣстѣ, шумѣлъ себѣ самъ:
„Что тамъ за поднявшійся вихрь? То одинъ

Изъ братьевъ меньшихъ моихъ жалкаго вида;
Какъ смѣетъ топтать мое царство равнинъ?"
И грозной пошелъ онъ ко мнѣ пирамидой.
Узрѣлъ, что я смертный, но духъ мой безъ страха—
Со злобой онъ землю толкнулъ,
Аравію всю содрогнулъ,
Схватилъ меня въ когти и въ облакъ праха
Дыханіемъ огненнымъ жегъ,
До неба взметая песокъ;
Вверхъ бросилъ, о землю крушилъ
И грудью пустыню давилъ.

Какъ равный, съ нимъ спорю я смѣло,
Рву члены, сплетенные клубомъ,
Терзаю песчаное тѣло,
Грызу его бѣшенымъ зубомъ.
Онъ рвался изъ рукъ моихъ прочь къ небесамъ,—
Но тѣло порвалось въ объятьи жестокомъ,
И рухнулъ изъ выси песчанымъ потокомъ
И легъ длиннымъ трупомъ къ моимъ онъ ногамъ.

И къ звѣздамъ я бросилъ свой взоръ окрыленный.
И видѣли звѣзды изъ горныхъ вершинъ
Меня, лишь меня!—потому что одинъ
Я былъ тогда въ цѣлой вселенной!

Какъ вольно груди здѣсь дышать въ тишинѣ!
Широко дышу средь равнины!
Здѣсь воздуха цѣлой Аравіи мнѣ
На вздохъ едва хватить единый!...
Какъ вольно и гордо летаетъ здѣсь взоръ!
Простерлось свободное око—
О, такъ далекó и ширóко,

Что цѣлаго міра открылся просторъ
За гранью обычнаго зрѣнья!
Въ высь тянутся руки, свободу почуя!
Простеръ ихъ! И, кажется, въ это мгновенье
Съ востока на западъ весь міръ обниму я!
Уносится мысль моя въ пропасти синей
Все выше и выше—къ небесной вершинѣ.
Какъ, жало вонзая, съ нимъ гибнетъ пчела —
Такъ съ мыслью душа моя въ небо ушла!

Петербургъ 1828 г.

Казиміръ Тетмайеръ.

ОКОЛО „МОРСКОГО ОКА“.

Ты, мертвая вода, средь темноты ночной!
О какъ завиденъ мнѣ твой мертвенный покой!
Когда всѣхъ этихъ горь громада бы упала
на волны вдругъ твои — то все же тяжесть ихъ
была бь не такъ страшна, какъ та, что истерзала
людскую грудь, — предчувствій тяжесть злыхъ.

И бури въ грозный часъ грохочутъ надъ тобой,
громъ рѣжетъ глубь твою сверкающей стрѣлой,
но такъ не потрясетъ бурливый ливень горный
твоей глухой волны, стремясь издалека,
какъ душу потрясетъ и боль печали черной
и безнадежная, безбрежная тоска.

Къ волнамъ твоимъ течетъ стремительно дика
съ утесовъ каменныхъ шумящая рѣка;
и заглушить тотъ шумъ угрюмый невозможно,
пока не рухнуть внизъ гранитные края —
такъ вѣчно скорбь шумитъ въ душѣ моей тревожной,
волнами полными вливаясь въ глубь ея.

Леопольдъ Стаффеъ.

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ.

О рамы дождь бьется, дождь бьется осенній
И все монотоннѣй, и все неизмѣннѣй,
И падаютъ капли, стучатся мнѣ въ стекла...
Стекланные стоны... а рама намокла;
Блескъ сѣраго свѣта сочится, какъ тѣни...
О рамы дождь бьется, дождь бьется осенній...

Вечернихъ сновъ легкихъ дѣвичьи мечтанья
Съ напрасной тоской ждали солнца сіянья...
И вдаль потянулись пустыней песчаной,
Въ край темный, безбрежный, въ край сѣрый туман-
ный...

Одѣты въ лохмотія черной печали
Для тихой могилы затишья искали;
А скорбь кладетъ гѣни на ликъ ихъ юномъ...
Сплетясь хороводомъ подъ мракомъ безлуннымъ,
Идутъ они вдаль на печаль и скитанье
Въ слезахъ... и отчаянье слышно въ рыданьи...

О рамы дождь бьется, дождь бьется осенній
И все монотоннѣй и все неизмѣннѣй,
И падаютъ капли, стучатся мнѣ въ стекла...

Стеклянные стоны... а рама намокла;
Блескъ сѣраго свѣта сочится, какъ тѣни...
О рамы дождь бьется, дождь бьется осенній...

Меня кто-то бросилъ въ день этотъ дождливый...
А кто я не знаю... Но мнѣ такъ тоскливо...
Кто умеръ сегодня?... Припомнить нѣтъ силы...
Но только вернулся я съ свѣжей могилы...
Да... счастье пришло бы, да мглы испугалось.
Любовь кто-то несъ мнѣ, да сердце порвалось,
Узнавъ, что не вспыхнуть мнѣ искрой живою...
Такъ нищій съ протянутой умеръ рукою...
Жилища крестьянскія гдѣ-то пылаютъ...
Тамъ дѣти сгорѣли... Какъ люди рыдаютъ...

О рамы дождь бьется, дождь бьется осенній
И все монотоннѣй и все неизмѣннѣй,
И падаютъ капли, стучатся мнѣ въ стекла...
Стеклянные стоны... а рама намокла;
Блескъ сѣраго свѣта сочится, какъ тѣни...
О рамы дождь бьется, дождь бьется осенній...

Духъ грустный и страшный чрезъ садъ мой шелъ нынѣ
И бросилъ повсюду онъ ужасъ пустыни...
Шелъ хмуро, съ поникшей на грудь головою,
И въ пепель осыпалъ цвѣты за собою,
На клумбы каменье въ набросилъ онъ груды,
И смерть, и безумье посѣялъ повсюду...
Потомъ онъ, встревоженъ грозой разрушенья,
Свинцовой громадою легъ на камень;
Легъ, чтобъ подавить и отчаянья стоны
И страшныя скорби въ груди потрясенной...

О рамы дождь бьется, дождь бьется осенней
И все монотонный и все неизменный,
И падают капли, стучатся мнѣ въ стекла...
Стеклянные стоны... а рама намокла;
Блескъ сѣраго цвѣта сочится, какъ тѣни...
О рамы дождь бьется, дождь бьется осенней.

Ремигій Квятковскій.

ПОЛЬША ИДЕТЬ...

Смотри же и слушай...

То Польша идетъ,
въ могилу страданья зарыта живая
и гордо во блескъ опять воскресая,
разбивши злодѣйствъ и насилія гнетъ—
чтобъ съ жестомъ величья, какъ прежде бывало,
занять свое мѣсто и крикнуть:

„Я встала!“.

— Польша!...

О сколько въ одномъ этомъ словѣ
великаго смысла слилось и невзгодъ,
отчаянья, скорби и пролитой крови —
никто не расскажетъ, никто не пойметъ...
лишь Польскому сердцу ихъ близки значенья,
что вѣкъ пережило въ цѣпяхъ угнетенья
и вынесло муки такъ много суровой,
что, кажется, звѣзды поблекнуть готовы.

О Польша! ты въ скорби не знала границы,
страшнѣй, чѣмъ Христось, ты мучима была
Минувшихъ позоровъ закрылись страницы,
вѣнецъ твой терновый спадаетъ съ чела —
и, убрана вновь золотою короной,

геройскихъ дѣяній стезей обновленной
свободна пойдешь ты туда, гдѣ перстъ Бога
врата отворилъ передъ новой дорогой;
и вспыхнетъ алтарь твой въ сіяющей славы
еще горделивѣй, еще величавѣй..

О Польша, замученный край мой усталый!

Сегодня заря для тебя запылала.
Та кровь, что изъ сердца струится во брани,
предвѣстница новыхъ, могучихъ дѣяній,
изъ пепла пожарищъ, что грозно пылали,
взнесетъ обелискъ твой въ грядущія дали,
въ грядущія дали, высоко надъ тучей, —
и будетъ стоять онъ вѣками, могучій!

Смотри же и слушай...

То Польша идетъ,
въ могилу страданья зарыта живая,
и гордо во блескъ опять воскресая,
разбивши злодѣйствъ и насилія гнетъ —
чтобъ съ жестомъ величья, какъ прежде бывало,
занять свое мѣсто и крикнуть:

„Я встала!“.

Марія Конопницкая.

РОТА.

Не бросимъ мы родной страны!
Не сгинетъ рѣчь родная!
Мы Польши вѣрные сыны,
Вѣтвь Пястовъ вѣковая!
Насъ онѣмечить врагъ не могъ...
О, помоги намъ, Богъ!

Мы до послѣднихъ страшныхъ ранъ
Свой духъ обороняемъ,
И въ прахъ тевтонскій ураганъ
Падеть надъ нашимъ краемъ!
Твердыней—каждый нашъ порогъ!
О, помоги намъ, Богъ!

Не будетъ нѣмецъ въ насъ плевать,
Нѣмечить нашихъ братій!
Гремя оружьемъ, встанетъ рать!
Духъ—гетманъ нашей рати!
Пойдемъ, чуть грянетъ грозный рогъ—
О, помоги намъ, Богъ!

Зигмундъ Красинскій.

ВОЛНА.

Ты слышишь, какъ мучится, стонетъ, бушуетъ
Волна, на скалѣ умирая безмолвной?
Такъ польское сердце, отчаянья полно,
На лонѣ родимомъ въ мученьяхъ тоскуетъ,
Разбито, какъ волны.

Но цѣлая снова волна набѣгаетъ
На скалы, шумя надъ пучиною сѣрой —
Такъ сердце, растерзано въ мукахъ безъ мѣры,
Въ груди заживая, огнемъ вновь пылаетъ
Надежды и вѣры.

Корнелій Уейскій.

ЗАМЕТЕННАЯ ХАТА.

Засыпана польская хата снѣгами!
Когда надъ тобой воють вѣтры ночами,
Ты словно могила,—кто знаетъ, что тамъ
Есть людъ, обреченный безсоннымъ трудамъ?
Чуть въ полночь пѣтухъ прокричитъ изъ-подъ крышь,
Проснешься ты, красной лучиной блестишь,
И жены надъ пряжей тоскливо поютъ
И съ ниткою скорбь безысходную вьютъ;
Хозяинъ потянется, скукой томится,
То бродить вдоль стѣнъ, то на лавку садится—
Ждетъ солнца, но въ небѣ темно и мертво,
Какъ ночь безконечная въ мысляхъ его.
Надъ ложемъ не блещетъ дворянскій клинокъ,
Какъ память о славѣ среди сѣрыхъ тревогъ...
Съ разсвѣтомъ беретъ веселѣй онъ лопату,
Для лучшаго свѣта отроетъ онъ хату...
И тянется Авеля жертвенный дымъ
Изъ хаты глухой къ небесамъ голубымъ.

Эдвардъ Слонскій.

ТА, СО NIE ZGINEŁA...

I.

Насъ раздѣлилъ, о братъ мой,
Злой рокъ подъ звонъ цѣпей —
Мы смотримъ смерти въ очи
Изъ вражескихъ траншей.

Въ окопахъ, полныхъ стона,
Подъ грохотъ боевой,
Стоимъ другъ противъ друга—
Я—твой врагъ, ты—врагъ мой.

Лѣсъ плачетъ, поле плачетъ,
Міръ дрогнулъ отъ огня...
Въ двухъ вражескихъ окопахъ
Стоимъ мы—ты и я...

II.

Едва въ часъ ранній пушки
Начнутъ гремѣть въ борьбѣ,
Ты свистомъ пули злобной
Шлешь вѣсти о себѣ.

Къ намъ въ низкіе окопы
Шрапнелей мечешь градъ,
Зовешь меня и молвишь:
— То я твой братъ... твой братъ!..

Лѣсъ плачетъ, поле плачетъ,
Пожаромъ міръ объять...
Ты мнѣ твердишь немолчно:
То я твой братъ... твой братъ...

III.

Братъ, обо мнѣ не думай,
Въ смертельный идя бой,
Въ огнѣ моихъ снарядовъ,
Какъ рыцарь, твердо стой!

Меня жъ вдали завидя,
Бери прицѣль вѣрнѣй
И въ сердце польской груди
Нѣмецкой пулей бей.

Мнѣ въявь и ночью снится...—
Пусть наша льется кровь,
Но та, со nie zginęła,
Въ той крови встанетъ вновь.

ОРЛЫ И СОЛОВЬИ.

Сколько орловъ въ дни минувшіе было!
То здѣсь надъ замкомъ, то тамъ надъ могилой
Гетмановъ птица та вѣчно летала!
Быструю славу она разглашала.
Нынче въ лазури искать ихъ напрасно...
Я, что живу жизнью грустной, ненастной,
Въ небо смотрю—разъ видалъ я орла—
Были несмѣлы размахи крыла.

Да, но зато сколько разъ вечерами,
Выйдя въ затишья лѣсными тропами,
Слышу я трель соловьевъ. Ихъ такъ много!
Жизнь тѣмъ богата иль, можетъ, убога?
Что жъ? развѣ хоръ этотъ, плачемъ томимый,
Такъ завладѣетъ землею родимой?
Вѣченъ ли мракъ въ этой пѣснѣ больной?
Слышать хотѣлъ бы орловъ я... съ зарей!

Такъ у народа былъ клекоть орлиный,
Нынче онъ трелію сталъ соловьиной.
Пѣсни поютъ про любовь и надежды
Тѣмъ, кто всю ночь не сомкнетъ свои вѣжды.

Ропщутъ лишь сонные люди на птицу,
Только смѣется гулякъ вереница, —
Проблескъ зарницы же чуть засіялъ—
Смолкъ соловей, и орель закричалъ.

Братья орлы! вы въ величїи гордомъ
Встаньте! Конецъ соловьинымъ аккордамъ!
Крылья расправьте,—полетъ вамъ знакомый!
Пѣснь запою я вамъ славы и грома!
Духъ мой крѣпись! нѣтъ для отдыха дней!
Грянь, какъ труба, и, какъ колоколь, бей!!

Марія Конопницкая.

СИЖУ У ОКНА Я...

Сижу у окна я... Сквозь мракъ голубой
Далекія звѣзды сіяютъ.
Волшебныя, майскія чары надъ мной
Незримой толпой пролетаютъ.

Я слышу и шопоть и стоны въ кустахъ,
Тамъ кто-то чуть слышно рыдаетъ,—
И въ сердцѣ какой-то таинственный страхъ,
На очи слеза набѣгаетъ.

Не знаю—быть можетъ, то горный ручей
Несетъ свой тоскующій ропоть,
Иль лѣсъ поетъ пѣсню печали своей,
Какъ арфы серебряный шопоть.

Быть можетъ, бездомная птица во мглѣ
Тоскуетъ, гнѣздо вспоминая,
Иль съ неба далекаго къ темной землѣ
Слетаетъ звѣзда золотая...

Изъ почки ль такъ рвется цвѣтокъ молодой,
И жизни и свѣта онъ просить,
Иль смерть, чуть дыша надъ затихшей землей,
Біеніе сердца уносить.

Смотрю я на тѣни и въ темную даль,
Таинственной ночи внимая,
И звукъ ея каждый, какъ сердца печаль,
Летить, мою грудь потрясая.

О нѣтъ! То не волны шумять надъ ручьемъ,
Не вѣтеръ листы колыхаетъ,
Не птица ночная трепещетъ крыломъ,—
Душа моя тихо рыдаетъ.

Люціанъ Рыдель.

ИЗЪ „АФОРИЗМОВЪ“.

Утопія всякая—птица, что въ въ комнатѣ тѣсной
 закрита:
И рамы не видитъ на окнахъ и бьется и вѣрить
 крыламъ;
Воробышекъ тщетно трепещетъ —падетъ онъ съ голов-
 кой разбитой,
Орелъ же, пробивъ эти стекла, въ полетѣ взлетитъ
 къ облакамъ.

Адамъ Мицкевичъ.

ОДА КЪ ЮНОСТИ.

Безъ сердца, безъ души—то мертвые народы!
О, юность, крылья мнѣ раскрой!
Взлечу надъ мертвой я землей
Въ обитель грезы и свободы,
Гдѣ чудеса творять порывы
И въ золотые переливы
Надеждъ волшебныхъ красятъ рой.

Пусть тотъ, кто ослѣпленъ годами,
Къ землѣ склоняется челомъ—
Лишь видитъ слабый свѣтъ кругомъ
Онъ притупленными очами.

Ты жъ, юность, выше, безъ преграды
Со взоромъ солнечнымъ взлтай
И челоуѣчества громады
Пронзай внизу изъ края въ край.

Ты внизъ смотри, гдѣ недвижимо мгла
Надъ мутной подлостью отъ вѣка залегла—
То край земной!

Смотри, какъ тамъ внизу надъ мертвою водою
Какой-то гадъ плыветъ, таясь подъ скорлупою,—
Онъ самъ себѣ рулемъ, и мачтой, и ладьей.
Онъ гада мелкаго преслѣдуетъ творенья,
То выплыветъ наверхъ, то тонетъ въ глубинѣ;
Не льнетъ къ нему волна, и онъ не льнетъ къ волнѣ.
Вдругъ лопнулъ, какъ пузырь, ударивъ о каменя.
Никто не зналъ его ни жизни, ни конца—
То эгоистовъ черствыя сердца!

Тебѣ же, юность, сладокъ жизненный нектаръ,
Когда ты пьешь его, съ другими раздѣляя,
Въ твоихъ сердцахъ горитъ небесный жаръ,
Когда ихъ свяжетъ нить единства золотая.

Тѣснѣй же, юные друзья!
За счастье общее впередъ путемъ счастливымъ!
Единствомъ сильные и мудрые порывомъ,
Тѣснѣй впередъ, о юные друзья!...
И счастливъ тотъ, кто палъ средь бури и смятенья
И, смертью грозный мракъ мгновенно озаря,
Сраженный, для другихъ ко славѣ сталъ ступенью!
Тѣснѣй же, юные друзья!
Хоть путь и крутъ и зноемъ сожигаемъ,
Насиліе и слабость у дверей, —
Насиліе мы насиліемъ отражаемъ,
Бороться съ слабостью мы будемъ съ раннихъ дней.

Кто гидру на зарѣ ребенкомъ задавилъ,
Тотъ юношей не дрогнетъ предъ центавромъ —
И вырветъ жертву онъ въ бою у адскихъ силъ
И въ небеса взлетитъ за лавромъ.
Ты проникай туда, гдѣ гаснетъ взоръ унылый,

То разрушай, чего не сокрушить умомъ, —
О юность! твой полетъ орлиной полною силы,
Въ твоихъ рукахъ весенній громъ!

Дружнѣй, рука съ рукой! Мы общими цѣпями
Весь кругъ земли тѣснѣе обовьемъ,
И вспыхнетъ мысль однимъ костромъ,
И духъ въ одно сольемъ мы пламя!
Долой съ устоевъ, дряхлый свѣтъ!
Ведемъ тебя тропой надежды!
И, сбросивъ плѣсени одежды,
Весенній вспомнишь ты расцвѣтъ.

Въ краю смятенья, мглы съ огнемъ переплетенной
Въ краю стихій, изжаленныхъ враждой,
Велѣнемъ Божимъ „да будетъ“ возрожденный
Отъ рубежа поднялся мѣръ живой.
И вихрь шумитъ, и воды полились,
Яснѣетъ звѣздами лазоревая высь.

Еще въ краю людей подъ мракомъ ночи глухо,
Еще идетъ борьба стихійная страстей —
Но вотъ взойдетъ любовь и жарче и яснѣй,
И сумракъ хаоса прорѣжетъ проблескъ духа!
Отъ лона юности начало онъ беретъ,
А дружба пламенемъ единства обовьетъ.

Разрушать ледъ живыя воды!
Блѣднѣетъ предрасудковъ рой!
Привѣтъ тебѣ, заря свободы, —
Спасенья солнце за тобой!

Янъ Нитовскій.

ИЗЪ ЧЕРНЫХЪ МИНУТЬ.

Твоихъ мечтаній храмъ въ развалинахъ лежитъ,
Дѣйствительность твой духъ томить своимъ объятъемъ,
И пѣснь твоя, какъ бы поражена проклятемъ,
Бездомной птицею среди руинъ сидитъ.

Какъ птица, когда врагъ убьетъ птенцовъ ея,
Съ разбитой грудю плыветъ къ живой лазури—
Такъ мысль твоя летитъ въ часы ненастной бури
Въ далекой юности священные края.

Печально смотришь ты на траурное знамя,
На смерть, что призракомъ вокругъ тебя легла,
На черные гробы съ угрюмыми крестами...

Но въ мукахъ не склонилъ ты скорбнаго чела—
И духъ твой, сломленный скорбями Ниобеи,
Смотря въ лазурь, кричитъ „Excelsior“ сильнѣе!

Марія Конопницкая.

ПРОКЛЯТАЯ СУДЬБА...

Проклятая судьба тѣхъ молній, что безъ бури
Пылають въ тишинѣ, чертя огнистый слѣдъ.
Проклятье!—не дохнетъ за ними громъ съ лазури,
Чтобъ грозно потрясти безвольный, дряхлый свѣтъ.

И громъ тотъ проклятый, что бьетъ не убивая,
Не палитъ вокругъ лѣсовъ, не рушитъ людъ во прахъ,
Онъ бьетъ!—но также все жива нужда глухая,
И также дремлетъ міръ въ безправіа цѣпяхъ.

Ихъ проклята судьба. Безъ отзвука, безъ славы
Они исчезнуть въ тмѣ недрогнувшей навѣкъ,
Не всколебавъ вѣсовъ и чаши той кровавой,
Гдѣ ты кладешь свои обиды, человѣкъ.

СОМНѢНІЕ.

Мысли мои—словно путники въ морѣ,
Что заблудились въ великомъ просторѣ
Ночью угрюмой—и вѣтеръ ихъ гонить,
Брошены весла рукой истомленной;
Взоръ напрягаютъ напрасно—онъ тонетъ
Въ мракѣ, какъ камень въ пучинѣ бездонной.
Путь потеряли... Куда принесутъ ихъ
Волны—не знаютъ и дальше все мчатся.
Вихри шумятъ въ парусахъ ихъ надутыхъ,
Тучи все ниже, темнѣй все клубятся.

Путь потерялъ я... въ грядущія дали,
Полныя блеска, тепла и привѣта,—
Что моимъ грезамъ чертоги бѣ создали
Вновь на развалинахъ стараго свѣта;
Вѣрить хотѣлъ бы я—да вѣрить нѣтъ мочи!
Вкругъ все пустыннѣй, бьетъ сердце тревогу;
Все непрогляднѣе мракъ этой ночи.
Что жъ впереди? потерялъ я дорогу...

* * *

О вы, чьи сердца и горятъ и трепещутъ
Надеждой побѣды въ бореньи, о братья,
Въ которыхъ свѣтъ старый бросаетъ проклятья!—

Вы вѣрите гордо, что зори заблещутъ,
Что избрана вами святая дорога,
Что вы лишь познали неложнаго Бога,
Что день запылаетъ надъ жизнію сѣрой
Прекрасный и свѣтлый, что въ гордой работѣ
Вы счастье новому свѣту куете
На груди развалинь, той пламенной вѣры
Въ груди моей нѣтъ! Эти сны золотые
Летятъ предо мной, какъ видѣнья нѣмая...
И будятъ лишь зависть, да скорбь и тревогу.
И вокругъ все темнѣе сдвигаются ночи,
И вѣрить хотѣлъ бѣ я, да вѣрить нѣтъ мочи...
Куда мнѣ итти? Потерялъ я дорогу...

Марія Конопницкая.

ВЪ МОЕМЪ КРАЮ...

Въ моемъ краю родномъ, въ отчизны дальнемъ лонѣ
Сто звѣздъ погаснувшихъ стоять въ одной коронѣ,
Сто звѣздъ погаснувшихъ надъ полемъ въ вышинѣ
Стоять, какъ рыцари, закованы въ бронѣ.

Въ моемъ краю родномъ, въ отчизны дальнемъ лонѣ
Сто пламенныхъ сердецъ горять въ безмолвномъ стонѣ,
Сто пламенныхъ сердецъ съ безумною тоской
Бьютъ въ груди, словно духъ въ кольчугѣ боевой.

Въ моемъ краю родномъ, въ отчизны дальнемъ лонѣ
Сто вихрей мечутся, какъ призраки погони,
Сто вихрей мечутся среди дорогъ пустыхъ,
Какъ кони дивные въ подковахъ золотыхъ.

Сто дней и сто ночей минуютъ въ тѣмѣ унылой—
Въ сердцахъ тѣхъ рыцари возстанутъ съ мощной силой,—
Возстанутъ рыцари и загрохочутъ кони,
И звѣзды вспыхнутъ вновь въ блистающей коронѣ.

.
.
.
.

Ел...у (Асныкъ).

Н Е Г О В О Р И .

Не говори, хотя бѣ ты умиралъ отъ жажды,
Что для тебя изсякъ источниковъ кристалль—
За призракомъ пустынь гоняясь, не однажды
Ручей ты на лугу зеленомъ миновалъ.

Не говори, хотя бѣ ты умиралъ въ тревогѣ,
Что нѣтъ уже любви великой на землѣ—
Ты вѣрно блескъ ея разсыпалъ по дорогѣ,
Скитаясь за огнемъ блуждающимъ во мглѣ.

Не говори, что бредъ и призракъ и мечтанье—
Все то, что не сумѣлъ ты въ жизни отыскать.
Ключъ чистыхъ радостей инымъ пошлетъ журчанье,
Иную грудь его напоить благодать.

Казиміръ Тетмайеръ.

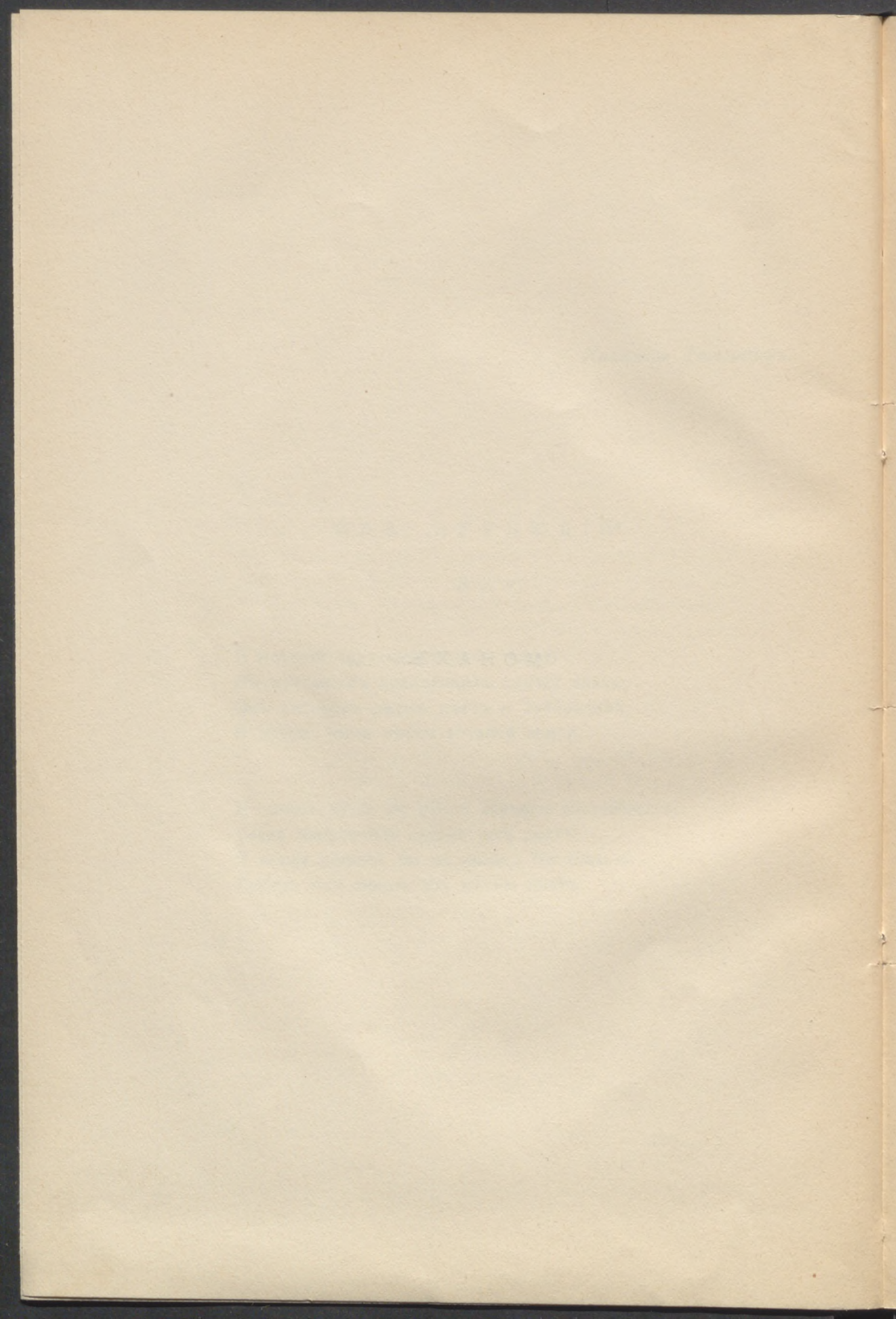
ИЗЪ „ПРЕЛЮДІЙ“

ХХV.

Я женскій чарующій голосъ порою
Въ мечтаніяхъ дремлющихъ слышу вдали;
Онъ ангеловъ пѣсню поеть и прекраснѣй
И лучше, чѣмъ пѣсни усталой земли.

И тонетъ душа въ этихъ звукахъ волшебныхъ,
Тоска непонятная сердце мнѣ рветъ;
Я всюду пошелъ бы за ними... Не знаю,—
Любовь или смерть эту пѣсню поеть.

МОНАХЪ.

Юлій Словацкій.

МОНАХЪ.

(Восточная повѣсть).

Одинъ изъ братьевъ въ монастырѣ на Синаѣ, трудящійся по обычаю среднихъ вѣковъ надъ переписываніемъ твореній древнихъ писателей, на послѣдней страницѣ переписанной книги добавляетъ слѣдующее:

Здѣсь въ кельѣ Синая я жду одинокъ
Конца своей жизни тоскливой;
Молюсь и смотрю на пустыни песокъ,
На волны пучины бурливой.
Отшельника жизнь не безслѣдно пройдетъ,
Въ мольбахъ и постѣ протекая—
Останется долгихъ трудовъ его плодъ,
Пергамента книга святая.
Тамъ вписаны римлянъ святыя дѣла
И грековъ высокія думы;
Безъ книги бы память о нихъ умерла,
Какъ память о людяхъ средь шума.
Разбужены снова изъ мрака встаютъ
Былые великіе годы...
Да будетъ смиренный и долгій мой трудъ
Хранителемъ ихъ для народа.
Вѣка воскрешая, какъ жемчугъ, перомъ

Я нижу слова за словами...
И тихо, торжественно тихо кругомъ,
И лики святыхъ въ полумракѣ ночномъ
Блистаютъ лампы огнями.
Да будетъ та книга въ грядущихъ вѣкахъ
Для люда наукой священной!
Ту книгу писалъ одинокій монахъ,
Укрывшійся въ кельѣ смиренной.

Окончить мой трудъ мнѣ Всевышнимъ дано!
Страница одна сохранилась...
На ней запишу я о томъ, что давно
Въ обители нашей случилось.

Съ Рожденья Христова то было въ ** году...
Отъ стѣнъ мы въ тотъ день послѣ битвы
Отбили разбойниковъ дикихъ орду;
Вечерня стихли молитвы.
Предъ смертнымъ одромъ я стоялъ со свѣчой:
Нашъ братъ умиралъ послѣ боя,—
Послѣдняя исповѣдь шла чередой
И блѣдный, съ лицомъ истомленнымъ, худой,
Онъ такъ говорилъ про былое.

Исповѣдь монаха.

Въ одеждѣ монаха я въ кельѣ глухой
Въ тиши умираю... Дай камень...
Пускай я, прикинувъ къ нему головой,
Усну навсегда... Гаснетъ пламень
Сознанья; а ночь и тиха и темна,
И мысль моя высохла нынѣ,
Какъ въ знойной степи ключевая волна,

Я жь вяну, какъ пальма пустыни.
Когда-то вождемъ я летальъ средь песковъ,
О призрачныхъ градахъ мечтаю.
Когда-то былъ счастливъ средь нуждъ и трудовъ,
Глубоко нужду презираю.
Когда же отчаянье въ сердцѣ моемъ
Безумной волною кипѣло,
То стонувъ своихъ подъ узорнымъ шатромъ
Душа заглушать не умѣла.
О, самъ иногда я терпѣлъ и страдалъ!
Другихъ же шадилъ я, бывало, —
И сразу въ горячее сердце вонзалъ
Стилета смертельное жало.
Хорошъ былъ кинжалъ мой! Отдѣланъ клинокъ
Былъ мастера лучшей рукою,
И златомъ*) на немъ написать бы ты могъ,
Какъ пишешь на книгѣ порою.

II.

Мечтала душа. Я подъ зноемъ не разъ
За призракомъ въ степи гонялся—
Предъ мною цвѣтущій роскошный оазъ
Въ прохладной тѣни колыхался.
Но чуть надъ песками качался туманъ,
Скрывался оазисъ зеленый—
То былъ лишь очей истомленныхъ обманъ,
Лишь призракъ въ степи раскаленной.

Разъ съ запада вѣтеръ волною своей
Мнѣ пѣсню принесъ издадека...

*) Это есть признакъ настоящей дамасской стали; будучи натерта золотомъ, она задерживаетъ на поверхности слѣды металла.

Примѣч. автора.

Пришпоривъ коня, я помчался за ней.
Гремѣла въ тиши одиноко
Та чудная пѣсня, и были вокругъ
Лазурь и земля полны звона.
Скорѣй догонялъ я таинственный звукъ
И крестъ увидалъ золоченый...
Вашъ колоколъ пѣлъ эту пѣснь надо мной.
Вошелъ я подъ темные своды—
Что пережилъ я въ ту минуту душой,
Не стерли протекшіе годы.
Мигало сіянье въ глазахъ алтаря,
Вы пѣли, огни возжигали,
И стѣны, какъ небо, звѣздами горя,
Казалось, въ высь убѣгали.
Колонна, какъ пальма пустыни стройна,
И листъ золотой расцвѣтаетъ
Вверху, а внизу бѣлый мраморъ она
Стопою своей попираетъ.
Лучъ, бьющій изъ оконъ цвѣтныхъ, приносилъ
Со стеколъ сверкавшія краски,
Потомъ, заблудившись въ дыханьи кадилъ,
Онъ ангела создалъ, какъ въ сказкѣ.
Я кисти искусства не зналъ до тѣхъ поръ,—
Я видѣлъ, что ангель, слетая,
Надъ мною блестящія крылья простеръ,
Мнѣ въ темную душу смотрѣлъ его взоръ,
Въ ея глубину проникая.

Въ тотъ день, что сокрылся во мракъ годовъ,
Оставилъ я вѣру родную отцовъ.

III.

„То было святое!“ сказалъ ты, монахъ,—
Но Богъ мнѣ послалъ наказанье.

И всё отвернулись въ родимыхъ шатрахъ,
И дни отравило страданье.
Отецъ меня проклялъ: „Уйди, ты не сынъ!“
Бѣги прочь, отступникъ проклятый!
Иди въ свѣтъ, но въ свѣтъ останься одинъ!“
—Проклялъ... все могилою взято.

IV.

Ея красота въ моемъ сердцѣ живетъ,
Хранить ее память былая.
Прекрасная молодость дѣвы пройдетъ,
Какъ вешній цвѣтокъ, отцвѣтая.
Но если пурпурная роза весной
Въ песчаной могилѣ утонетъ,
И тихо туманъ ее скроетъ степной—
Она въ немъ увянетъ съ былою красой,
И блескъ ея время не тронетъ,
И пурпуръ навѣкъ сохранить она свой,
Какъ будто вчера расцвѣтала
Въ тѣнистомъ оазѣ и съ вѣтки родной
Вчера лишь оторвана пала.
Такъ Зары чарующій образъ бѣжитъ
Отъ тлѣнья могилы суровой,
И мысль, что угаснуть готова,
Его до конца своихъ дней сохранить
Въ лучахъ ореола былого.
Я помню, разъ Зара мнѣ дѣтской порой,
Смотря на вершины Ирана,
Сказала: „Смотри,—что за свѣтъ золотой
Горитъ наверху средь тумана?
Кто факель тотъ дивный зажегъ, что блеснулъ
Надъ горъ заалѣвшей короной?
Навѣрно въ нихъ мѣсяцъ теперь утонулъ
И блещетъ средь снѣжнаго лона“.

Мгновенье прошло—я ужь былъ надъ горой
Средь льдовъ, и снѣговъ, и мороза.
Окинулъ я взорами даль предъ собой,—
Въ сверкающей вазѣ цвѣли снѣговой
Долины роскошныя розы.

V.

Былъ братъ у меня! А въ пустынь родной
Всѣ были мнѣ вѣрны, какъ братья.
Дѣлили и голодъ и жажду со мной,—
Теперь они злобой пылаютъ глухой,
И вслѣдъ мнѣ гремятъ ихъ проклятья.

Съ охоты обратный я путь свой держалъ
Въ томительный полдень однажды,
Копытами конь мой пески поднималъ,
Горячіе вѣтры онъ грудью вдыхалъ,
Шатался, измученный жаждой.

Вдругъ вижу: арабъ черезъ пустыню стрѣлой
Летить—я къ нему обратился:
„Дай каплю воды мнѣ, о братъ молодой!
Мѣха твои, вижу я, полны водой—
Подъ зноемъ мой конь истомился“.

А онъ мнѣ со злобой: „последній сосудъ,
Смотри! разбиваю о камень!
Погибни, измѣнникъ! Гяуры умрутъ!
Пусть зноя сжигаетъ ихъ пламень!
Знай, еслибъ я видѣлъ въ оазѣ ручей,
Гдѣ ты или конь твой съ отрадой

Припали ко влагѣ подѣ тѣнью вѣтвей,
Тотъ ключъ отравилъ бы рукой я своей!
Пусть небо не шлетъ вамъ прохлады!“
Я съ яростью крикнулъ ему: „Твой верблюдъ
Мнѣ будетъ источникъ желанный!“

Оружьемъ гремя, мы схватилися тутъ,
Какъ вихри въ пустынѣ песчаной.

Желѣзомъ пронзенный противникъ упалъ,
И конь мой пилъ воду!—рукою
Кровавой я бѣлую чалму сорвалъ...
О небо... лицо мертвеца я узналъ—
Трупъ брата лежалъ предо мною.

VI.

Но конь мой, что мысли араба читалъ,
Вновь бодрый летѣлъ надъ песками,
Какъ страусъ, что крылья свои разметалъ,
Песковъ чуть касался стопами,
И конскою гривую вѣтеръ игралъ.

Но Боже!.. Мой конь зашатался, упалъ...
Смотрю: на груди его въ ранѣ
Конецъ ядовитой стрѣлы трепеталъ!
Отецъ мой! отецъ! Ту стрѣлу я узналъ:
Въ моемъ ее видѣлъ колчанѣ.

Палъ конь мой! Я вокругъ посмотрѣлъ, и мой взоръ
Въ песчаной дали затерялся...
Впервые степей мнѣ родимыхъ просторъ
Безбрежнымъ тогда показался—
Средь нихъ безъ коня я остался.

VII.

Смотри: то не вѣстникъ ли смерти нѣмой?
 Въ угрюмую келью монаха
 Влетѣлъ мотылекъ не въ одеждѣ златой,
 Онъ близко отъ смерти кружить надъ свѣчей,
 Вчера лишь воскреснувъ изъ праха.
 Какъ мертвыхъ покровъ, его черно крыло,
 На крыльяхъ гнѣвъ Божій *) сіяетъ;
 Скажи, почему ему такъ тяжело,
 Что крылья въ огнѣ онъ сжигаетъ?
 Такъ дикій арабъ! Когда жизнь тяготитъ,
 Онъ днемъ заглушаетъ стенанья—
 Но только безмолвная ночь прилетитъ,
 Въ душѣ его страстно желанье кипитъ
 Порвать этой жизни страданье;
 На небо онъ смотритъ въ смертельной тоскѣ,
 И блѣдность чело покрываетъ...
 Сдержалъ онъ порывъ, и кинжалъ на песокъ,—
 Лишь очи горятъ да въ поднятой рукѣ
 Безумная дрожь пробѣгаетъ.

VIII.

Прекрасенъ нашъ храмъ. У подножья валы,
 Вспѣняясь, бушуютъ въ часъ бури;
 И крестъ золотой на вершинѣ скалы,
 Какъ птица, стремится къ лазури.
 Предъ нимъ эти пальмы, царицы степей,—
 Былинки; ихъ вѣтры качаютъ,
 И прахъ онѣ гордой вершиной своей

*) На крыльяхъ многихъ мотыльковъ, именно саранчи, находятся неясные знаки. Простой народъ вѣритъ, что это арабскія буквы и что онѣ заключаютъ въ себѣ слова гнѣва Божьяго.

(прим. автора).

Съ гранитныхъ ступеней сметають.
Вчера!.. Вспомни ужаса часъ роковой,
Когда бушевали арабы!
Раздался подъ сводами громъ боевой,
Къ стѣнамъ собралися монахи толпой,
Но силы отшельниковъ слабы.
Врагамъ ужъ хотѣли покорно отдать
Вы храма священныя чаши—
О братья! Могли ль недостойно мы сдать
Святыню обители нашей?
„Пусть Богъ ниспослетъ намъ отваги святой!
Вы факелы, псалмы возьмите
И черныя рясы и крестъ золотой
И въ сѣчу за мною идите!“
— Сказалъ я и ринулся въ битву съ мечомъ,—
Арабовъ ряды порѣдѣли,—
И дальше все шелъ я кровавымъ путемъ,
Огни вслѣдъ несли вы во мракъ ночномъ,
И гимны святыя гремѣли.
Съ вождемъ на полянѣ сошлись мы. Монахъ,
Ты видѣлъ—мы рвалися къ бою!
Мы грозно сразились со злобой въ очахъ,
И палъ подъ моей онъ рукою...
Потомъ заглянулъ я подъ чалму бойца...—
Монахъ,—у меня ужъ не стало отца!

Когда жъ я, сраженный несчастьемъ, стоялъ,
Онъ такъ говорилъ, умирая:
„Чело я нарочно свое закрывалъ,
Чтобъ дрогнуть не могъ ты, вонзая
Желѣзо убійства въ отцовскую грудь,
Чтобъ зла не угасли порывы,
Теперь же, убійца, о мертвыхъ забудь
И радуйся съ тѣми, что живы“.—
— „Она?“—„Умерла!“—„Отъ измѣны ль моей,

Сожгла ль ее скорбь роковая?"
— „Незнаю; уйди ты—но мысли о ней,
Отца своего проклиная!“

IX.

И племя все плачетъ о мертвомъ вождѣ.
А я... я послѣдній изъ рода
Могучихъ вождей, но пріюта нигдѣ
Мнѣ нѣтъ у родного народа.
Такъ въ ульѣ погибшемъ царица сидитъ
Надъ трупами пчель и съ безсильной
Тоскою о дняхъ пролетѣвшихъ груститъ
И ждетъ сама тѣни могильной.
Ложится слеза моя чернымъ пятномъ
На предковъ священныя тѣни,—
И мысль, что живетъ еще въ сердцѣ моемъ,
Когда-то сіявшая дивнымъ лучомъ,
Блуждаетъ среди преступленій
И гаснетъ навѣки... Монахъ, я усталъ,
Усталъ я, измѣнникъ проклятый!—

— Сегодня въ сіяніи лунномъ узналъ
Лицо я убитаго брата...
Я жадно глядѣлъ на него, безъ конца...
Но мѣсяць мѣнялся, и снова
Въ немъ видѣлъ лицо я родного отца—
Мнѣ, мнилось, грозилъ онъ сурово.
Я жадно глядѣлъ изъ глухой темноты,
Полнь дикихъ мечтаній и стона,
И выплыли снова инья черты
Изъ мѣсяца свѣтлаго лона.
И вновь я узналъ этотъ ликъ дорогой:
Она была въ блѣдномъ сіяньи!

И въ душу мою безконечной волной
Помчались былыя мечтанья.
Широко въ груди они вновь разрослись.—
Такъ солнца лучами согрѣтый
Въ пустынь унылой растеть кипарись,—
Хоть въ сердцѣ ужъ не было свѣта.

X.

То жизнь мнѣ была! А теперъ темнота!
Смерть тихо кружить надо мною...
Монахъ, я покаюсь: хотъ символъ креста
Сжимаю я блѣдной рукою—
На сердцѣ ношу амулетъ *) золотой,
Въ послѣдній разъ ею мнѣ данный,—
Достойная вѣры Христовой святой
Хранится въ немъ мысль изъ Корана.
Монахъ, не дрожи! Такъ пророкъ говорить:
„Душа правовѣрныхъ святая
За ненависть пусть лишь любовью платить,
Добромъ ея зло побѣждая.
Такъ раковина серебристыхъ морей,
Когда безъ слѣда погибаетъ
Подъ алчной рукой ненасытныхъ людей,
Убийцъ жемчугомъ одаряетъ“.

Друзья измѣнили мнѣ здѣсь на землѣ,
Забыла любимая дѣва...
Но вижу, монахъ,—на суровомъ челѣ
Морщины сдвигаются гнѣва.
Сорви жъ талисманъ мой, сорви поскорѣй!

*) Амулеты или талисманы сдѣланы изъ драгоценнаго металла и заключаютъ въ себѣ чаще всего стихъ изъ Корана.

(прим. автора).

Послѣдняя пѣсня допѣта!
Недолго останусь я въ кельѣ твоей.
Монахъ, когда сынъ Магомета
Срываетъ съ груди талисманъ золотой,
Послѣдній вздохъ ангела слышать—
Сорви!.. что я слышу?.. или вѣтеръ ночной
То грустные листья колыхаетъ?..
Монахъ, отойди! Кто-то есть здѣсь! О Богъ!
Здѣсь въ кельѣ я слышу тоскующій вздохъ!

XI.

Тѣнь арабской дѣвы.

„Подъ дыханіемъ мученья
Паль ты сломленный въ борьбѣ,
И въ послѣднее мгновенье
Я воздушной блѣдной тѣнью
Прилетѣла вновь къ тебѣ.
Чтобъ чарующими снами
Вновь повѣять надъ тобой—
Смерть незримиыми стопами
Ходить въ кельѣ роковой.
Что жъ, предъ смертью недалеко,
Подъ покровомъ темноты
Отъ Корана и пророка,
Отрекаться хочешь ты?
Отрекаться отъ Корана!
Позабыть священный стихъ!
Вспомни чудный край Ирана
И просторъ степей родныхъ!
Посмотри,—я близко снова,
Для тебя я не умру.—
Вспомни зноя золотого
Надъ пустынею игру.

Вспомни призракъ тотъ тѣнистый,
Что блуждаетъ средь степей;
Тамъ, подъ пальмою вѣтвистой,
Въ полдень влагой серебристой
Манить путника ручей.
Подойдешь—и нѣтъ видѣнья, *)
Чудныхъ грезъ исчезнуль слѣдъ;
Тамъ живу я легкой тѣнью,
Блѣдной тѣнью прежнихъ лѣтъ.

Нынче съ мѣсяца струею
Я оттуда принеслась:
Дышитъ Зара надъ тобою,
Къ изголовію склонясь.
Смерти блѣдностью ненастной
Ужъ не вѣетъ отъ чела.
Я хотѣла быть прекрасной,
Кудри въ розы убрала.
Ночи пламенной росой
Оживила блескъ очей;
Какъ дыханье розъ весною,
Ароматъ моихъ кудрей.
Близокъ часъ всесильный рока—
О подумай, милый мой!
Черный крестъ отбрось далеко—
Въ этой кельѣ одинокой
Онъ межъ нами всталъ стѣной.

*) Многие путешественники вспоминаютъ объ этихъ дивныхъ явленіяхъ природы. Путникъ, исполненный жажды, часто видитъ вблизи въ пустынѣ озера и даже очертанія пальмъ, которыя при приближеніи путника исчезаютъ. Можетъ быть, это страны духовъ.

(Прим. автора).

Безъ тревоги и сомнѣній
Надъ пустынею вдвоемъ
Полетимъ съ тобой, какъ тѣни,
Мы въ чарующія сѣни,
Что блуждаютъ надъ пескомъ.
Тамъ деревья изъ тумана
Защищаютъ отъ лучей,
Пробѣгаетъ надъ поляной
Съ соннымъ ропотомъ ручей.
Тамъ лазурь такъ ясно дышитъ,
Тѣнь лежитъ среди долинъ,
И листочками колышетъ
Тамъ серебряный жасминъ.
Солнце свѣтитъ тамъ иное,
Здѣшній мѣсяцъ не горитъ,
Надъ кристальною волною
Благовонною листвою
Тихій вѣтеръ шелеститъ.
Въ томъ раю душа утонетъ,
Будемъ жить мы, какъ во снѣ,
И арабъ насъ не догонитъ
На могучемъ скакунѣ.
Съ вѣтра легкими волнами,
Вѣчно чуждый непогодъ,
Край чудесный вмѣстѣ съ нами
Надъ пустыней поплыветъ.
Мы людей въ своей дорогѣ
Ужъ не встрѣтимъ. Ты молчишь...
О, подумай—на порогѣ
Чудной жизни ты стоишь.
О, скажи одно хоть слово—
Сонъ не дологъ, и тогда
Я умчусь отсюда снова,
Чтобъ разстаться навсегда.
Ты молчишь?...

Монахъ.

...Прочь, безумный монахъ!

Не нужно мнѣ словъ покаянья!
Ты видишь она утонула въ лучахъ...
Что держишь свѣчу ты въ дрожащихъ рукахъ?
Не нужно мнѣ ваше мерцанье!
Ты слышишь, монахъ! иль верни мнѣ скорѣй
Корана священное слово,
Иль яду, дай яду мнѣ въ чашѣ твоей!
Дай яду для сердца больного!
Ты слышалъ?...

Исповѣдникъ.

Надѣйся на Господа, братъ,—

Ты бредишь минувшими днями
И мыслей безсвязныхъ и думъ своихъ рядъ
Считаешь ты дѣвы рѣчами.

XII.

Монахъ.

Отецъ согрѣшилъ я.—Гнѣвъ Божьей руки
Безумное сердце прощаетъ.
Монахъ! гдѣ мой конь, что степные пески,
Какъ вихри, шума, пролетаетъ?
Стрѣлой онъ несетъ по пустынѣ меня
Подъ зноемъ полудня степного!
Воды мнѣ! Воды! Напою я коня
Хоть кровію брата родного!
Какъ быстро сегодня охота прошла...
А путь совершилъ я далекій...
Лишь къ вечеру бѣ туча примчаться могла

Что я перегналь на востокъ.
Монахъ, когда лѣтъ пронесется потокъ,
Онъ кажется краткимъ для глаза, —
Я быстро спѣшилъ, — никогда не прилежъ
Въ тѣни благодатной оаза.

XIII.

Напрасно смотрю я въ нѣмой небосклонъ...
Мнѣ смерть тяжела такъ! А въ храмѣ
Звучить уже грустная пѣснь похоронъ,
И идутъ монахи толпами.
Закрыты ихъ лица и свѣчи въ рукахъ...
И черный алтарь въ погребальныхъ огняхъ.
Отходить ихъ брать, и теперь за него
Звучить покаянное пѣнье, —
Но сердце монаха безстрастно, мертво;
Какъ стѣнь монастырскихъ каменя,
Такъ холодны ваши моленья.
Въ пустыню несите холодный мой прахъ
И роите могилу въ сыпучихъ пескахъ!
Я тамъ умереть бы спокойно хотѣлъ,
Гдѣ бъ вѣчную пѣсню оазисъ мнѣ пѣлъ...
Я видѣлъ деревья... Безмолвно стоять —
А путникъ придетъ къ нимъ усталый,
Такъ радостно листья привѣтомъ шумять *).
Тамъ чувствами даже деревья кипятъ,
Здѣсь люди бездушны, какъ скалы.

*) Thomas Moor въ поэмѣ „Lalla Rook“ вспоминаетъ о деревьяхъ, которыя трепещутъ листьями при приближеніи человѣка.
(прим. автора).

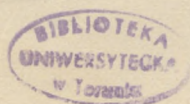
XIV.

Пусть медленно колоколъ вашъ надо мной
Застонетъ съ тоскою печальной.
Быть можетъ, араба въ пустынь нѣмой
Разбудить тотъ звонъ погребальный.
Пусть звукамъ тоскливымъ онъ внимлетъ,
И прежде, чѣмъ снова задремлетъ,
Быть можетъ, припомнивъ въ глухой тишинѣ
О смерти вождя своего, въ полуснѣ
Съ проклятемъ—да вспомнить опять обо мнѣ.

Итак, невольно, конечно, выслушав
заключенье от такого свидетеля,
Билл пошел, когда он вышел из
здоровья, тот же день пошел
Итак, выслушав заключение от свидетеля,
И прощаясь, выслушав заключение,
Билл пошел, конечно, из такой же
О черном, конечно, пошел,
О черном, конечно, пошел, это же.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Гимнъ. Ю. Словацкаго	7
Изъ „Конрада Валленрода“. Вступленіе. А. Мицкевича.	10
Агарь въ пустынь. К. Уейскаго	12
Когда бъ въ эти дни... З. Красинскаго	15
Въ часъ бури... М. Конопницкой	17
Дубы вѣковые... М. Конопницкой.	18
Янъ Демборогъ. Вступленіе. Вл. Сырокомля	19
Не плачьте, скорбные... М. Конопницкой	22
Сосна. Вл. Сырокомля	24
Воды. К. Тетмайера	26
Изъ „Крымскихъ сонетовъ“. Буря. А. Мицкевича	27
Гробница Агамемнона. Ю. Словацкаго	31
Изъ „Прелюдій“. К. Тетмайера	37
Фарись. А. Мицкевича	41
Около „Морского Ока“. К. Тетмайера.	48
Осенній дождь. Л. Стаффа	49
Польша идетъ... Р. Квятковскаго	52
Rota. М. Конопницкой	54
Волна. З. Красинскаго	55
Заметенная хата. К. Уейскаго.	56
Та, со nie zginęła... Э. Слонскаго	57
Орлы и соловьи. К. Уейскаго	60
Сижу у окна я... М. Конопницкой	62
Изъ „Афоризмовъ“. Л. Рыделя	64
Ода къ юности. А. Мицкевича	65
Изъ черныхъ минутъ. Я. Нитовскаго.	68
Проклятая судьба... М. Конопницкой	69
Сомнѣніе. К. Тетмайера	70
Въ моемъ краю... М. Конопницкой	72
Не говори. Е...у (Асныка)	73
Изъ „Прелюдій“. К. Тетмайера	74
Монахъ. Ю. Словацкаго	77

ОПРАВЕЖИЕ

1. ...
2. ...
3. ...
4. ...
5. ...
6. ...
7. ...
8. ...
9. ...
10. ...
11. ...
12. ...
13. ...
14. ...
15. ...
16. ...
17. ...
18. ...
19. ...
20. ...
21. ...
22. ...
23. ...
24. ...
25. ...
26. ...
27. ...
28. ...
29. ...
30. ...
31. ...
32. ...
33. ...
34. ...
35. ...
36. ...
37. ...
38. ...
39. ...
40. ...
41. ...
42. ...
43. ...
44. ...
45. ...
46. ...
47. ...
48. ...
49. ...
50. ...
51. ...
52. ...
53. ...
54. ...
55. ...
56. ...
57. ...
58. ...
59. ...
60. ...
61. ...
62. ...
63. ...
64. ...
65. ...
66. ...
67. ...
68. ...
69. ...
70. ...
71. ...
72. ...
73. ...
74. ...
75. ...
76. ...
77. ...
78. ...
79. ...
80. ...
81. ...
82. ...
83. ...
84. ...
85. ...
86. ...
87. ...
88. ...
89. ...
90. ...
91. ...
92. ...
93. ...
94. ...
95. ...
96. ...
97. ...
98. ...
99. ...
100. ...

